

К ВОПРОСУ О НОВГОРОДСКОМ ЛАЗАРЕВСКОМ СКРИПТОРИИ
РУБЕЖА XI—XII в.

Феномен книгописной мастерской, действовавшей на рубеже XI—XII в. при монастырской церкви св. Лазаря в Новгороде, чрезвычайно поучителен. Крупнейший и наиболее ранний из дошедших до нас комплексов древнерусских литургических книг домонгольского времени был создан при храме, первое летописное упоминание которого отстоит от времени создания самого комплекса более чем на двести лет. Церковь св. Лазаря впервые упоминается в Новгородской летописи под 6808 (1300) г.¹, а первое свидетельство существования при этой церкви монастыря относится лишь к 1367 г.² Если бы археографическая экспедиция Московского Печатного двора не доставила в 1679 г. из Новгорода среди других древних рукописей несколько ветхих пергаменных кодексов с пометами «книга Лазарева» и упоминаниями «святого Лазаря» в записях писцов, было бы совершенно невозможно предположить, что находившийся в ту пору в глубоком запустении Лазарев монастырь существовал уже в конце XI в. и был центром оживленной книгописной деятельности.

Хотя важные замечания о происхождении новгородских Типографских миней были сделаны уже А. А. Покровским³, вопрос о существовании на рубеже XI—XII в. скриптория при Лазареве монастыре был впервые поставлен лишь в 1982 г. В. Л. Яниным⁴, выявившим комплекс рукописей, относимых по ряду общих признаков к продукции этого книжного центра. Помимо десяти кодексов Типографского собрания РГАДА (служебные минеи за сентябрь (Тип. 84), октябрь (Тип. 89), ноябрь (Тип. 91), январь (Тип. 99), февраль (Тип. 103), апрель (Тип. 110), июль (Тип. 121) и август (Тип. 125)), а также Цветная триодь (Тип. 138) и Стихирарь Тип. 147)⁵, к манускриптам, вышедшим из этой книгописной мастерской, исследователь отнес также Милятино евангелие (РНБ. Ф.п.1.7), писца которого, попа «святого Лазаря» Домку, В. Л. Янин предложил считать тем же лицом, что и Домка-Яков, писец сентябрьской и октябрьской служебных миней 1095—1096 г.

Совсем недавно вопрос о книгописании в Лазареве монастыре рубежа XI—XII в. был обстоятельно исследован Л. В. Столяровой⁶, предпринявшей основанную на тщательном кодикологическом анализе книг лазаревского комплекса реконструкцию объема и состава рукописной продукции скриптория, а также социального и персонального состава работавших в нем писцов. Согласно выводам Л. В. Столяровой, из скриптория Лазарева монастыря вышло на рубеже XI—XII в. по меньшей мере 16 рукописных книг (считая недостающие до годового комплекта минеи, а также Евангелие и Апостол Домки, упоминаемые в записи Милятина евангелия⁷), над которыми трудились не менее двенадцати писцов. В действительности же и книг и писцов было, вероятно, еще больше. Однако и в том виде, в каком деятельность лазаревских книжников засвидетельствована сохранившимися памятниками, она являет собой впечатляющий и беспрецедентный для своего времени пример «существования в рамках одного скриптория столь значительного числа специально обученных книгописцев»⁸.

Хотя, таким образом, на сегодняшний день деятельность Лазаревского скриптория изучена уже весьма основательно, многое по-прежнему остается неясным. Это, прежде всего, вопрос о статусе

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 91 (далее — НПЛ).

² ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 349.

³ Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 68, 73—74.

⁴ Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI—XII в. Лазарев монастырь // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 57—61.

⁵ Описание рукописей см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА / Сост. О. А. Князевская, Л. В. Мошкова и др. М., 1988. Ч. 1.

⁶ Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI—XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 201.

⁷ Само Милятино Евангелие Л. В. Столярова считает копией, сделанной с рукописи Домки в конце XII — начале XIII в.

⁸ Там же. С. 201.

скриптория: был ли он церковным или монастырским? Хотя в летописи, как уже говорилось, «св. Лазарь» впервые упоминается как монастырь лишь под 1367 г., В. Л. Янин не сомневается в том, что монастырь существовал уже в конце XI в. Более осторожно высказывается на этот счет Л. В. Столярова. Как считает исследовательница, «говорить уверенно о существовании монастыря св. Лазаря уже на рубеже XI–XII в. источники не дают оснований <...>. В записях лазаревских книжников встречается выражение «у святого Лазаря», что позволяет предположить в них скорее писцов церковного, а не монастырского скриптория. Это тем более вероятно, что вплоть до конца XIV в. книгописание в Древней Руси осуществлялось преимущественно в церквях. Однако употребленная в выходной записи Тип. 121 (июльская миней. — А. Г.) формула «написахъ... игуменѣ повелѣніемъ, а с(вя)тымъ Лазарь[м] м(о)л(и)тва[ми], св(я)тою Б(огороди)цею сътѣжано», содержащая противопоставление «стяжателя» (монастыря св. Богородицы в Зверинце) лицу, «повелевшему» начать переписку кодекса («игуменья») и месту исполнения заказа (духовной корпорации, посвященной воскрешению св. Лазаря), не дает оснований для однозначного определения «игуменья» как настоятельницы именно Лазаревского, а не Богородичного Зверинского монастыря. Тем не менее, помещение слова «игуменья» перед указанием духовной корпорации, посвященной празднику Лазарева, воскрешения позволяет с большой долей вероятности видеть в ней скорее неизвестную по имени Лазаревскую игуменью, нежели настоятельницу монастыря Покрова Богородицы в Зверинце»⁹.

Своеобразную позицию в данном вопросе занял А. Г. Бобров¹⁰. Поддерживая тезис Л. В. Столяровой о преимущественно церковном, а не монастырском характере русского книгописания XI–XIV в., он связывает появление монастырского книгописания в конце XIV в. с введением общежительного устава, способствовавшего формированию монастырских библиотек, находившихся в коллективной собственности братии, и выработке представления о переписке книг как форме монашеского подвига. До конца XIV в., считает А. В. Бобров, монастырского книгописания в Новгороде просто не было, и Лазаревский скрипторий рубежа XI–XII в. совсем не представляет в этом отношении исключения.

По мнению А. Г. Боброва, в эпоху создания лазаревских миней в Новгороде существовал только один монастырь — Юрьев — и, соответственно, только один игумен¹¹. Именно этот единственный юрьевский игумен, а не игуменья Лазарева или Богородицкого Зверина монастыря и назван, считает исследователь, в выходной записи июльской миней. Фразу же «св(я)тою Б(огороди)цею сътѣжано» А. Г. Бобров склонен относить к основанной князем Мстиславом Владимировичем в 1103 г. церкви Благовещения на Городище, упоминаемой в выходной записи Мстиславова евангелия. «По всей видимости, и июльская Миней служебная 90-х годах XI в. — 10-х годах XII в. могла быть переписана «стяжанием» той же церкви Благовещения Богородицы на Городище, а не Богородицкого Зверина монастыря, существование которого на рубеже XI и XII вв. более чем проблематично. «Повеление» игумена княжеского Юрьева монастыря удачно корреспондирует со «стяжанием» княжеской Благовещенской церкви, что в целом позволяет предполагать в данном случае заказ на переписывание книги со стороны княжеских духовных корпораций»¹².

Как видим, вопрос о том, какие церковные организации и в каком качестве участвовали в создании «книг Лазаревых», решается в литературе по-разному. При этом основным предметом разногласий оказывается трактовка выходной записи июльской миней Тип. 121. Приведем полностью текст записи

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ Бобров А. Г. К вопросу о древнейших скрипториях Великого Новгорода // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России. Сборник докладов конференции 17–21 ноября 1998 г. Москва. М., 1999. С. 42–50.

¹¹ Таким образом предполагается, что титул «игумен» обладал в это время в Новгороде той же степенью информативной достаточности, какую в более позднюю эпоху имел титул «архимандрит новгородский». Подтверждение этому А. Г. Бобров видит в статье 1132 г. НПЛ, в которой юрьевский настоятель назван просто «игумен Исая», без пояснения, о каком именно монастыре идет речь. Сразу заметим, что точно так же, без указания обители, упомянут юрьевский игумен Дионисий и под 1166 г., когда в Новгороде уже несомненно существовали другие монастыри.

¹² Там же. С. 49.

по каталогу рукописей РГАДА: «азъ грѣшныи Матьѣи началъ писати · кнѣигы сиа · а Лавренти · до коньца · не азъ бо своею хждостью написахъ и братъ · нъ силою стѣа трѣца ѡца и сна и стго дха нына и присно и въ вѣкы въмъ аминь · игумениа повелѣнемъ · а стѣмъ Лазарь[м] млт(в)а... (ст)ою Бжею сътажано»¹³.

Заметим сразу, что словоформа *игумениа* может быть в данном контексте только Р. ед. от существительного женского рода *игумения*. Теоретически это мог бы быть также Р. ед. муж. притяжательного прилагательного *игумений*, однако эта форма здесь синтаксически неуместна; кроме того, само это прилагательное является словообразовательной инновацией и не представлено в ранних памятниках, в которых ему соответствует архаичное образование *игумень*¹⁴. Таким образом, вопреки А. Г. Боброву, данная форма недвусмысленно свидетельствует о существовании в Новгороде в конце XI в. по крайней мере одного женского монастыря.

Ответ на вопрос, игуменя какого именно монастыря имеется здесь в виду, зависит от истолкования продолжения фразы, к сожалению, сильно пострадавшего от воздействия реактива. В публикации Л. В. Столяровой эта часть записи читается несколько более полно: «с(вя)тѣмъ Лазарьм(о)л(и)тва[...]а б[...]ѣ, [св(я)т]ою Б(огороди)цею сътажано»¹⁵ (подчеркиванием выделены дополнительно прочитанные, по сравнению с каталогом РГАДА, буквы), но при интерпретации записи данный фрагмент исследовательницей опускается, как если бы его вообще не было. Между тем для понимания текста именно он имеет ключевое значение.

По оценке Л. В. Столяровой, между *а* в *м(о)л(и)тва[...]* и следующим *а* утрачена одна буква, между *б* и *ѣ* — одна или две буквы, перед *ою* — две буквы. Поскольку слово *молитва* явно стоит в Тв. мн., следует полагать, что *м* в окончании *-ами* было вынесено над строкой, как и в слове *Лазарь*¹⁶. В таком случае следующее *а* должно трактоваться как союз, присоединяющий заключительную часть фразы (ср. такое же *а* в предыдущей фразе). Утраченной же оказалась, очевидно, не буква, а разделительная точка. Таким образом, окончание записи, следуя палеографическим замечаниям Л. В. Столяровой, можно восстановить в виде: «а стѣмъ Лазарь^м млтва^м · а б-ѣ стою Бжею сътажано».

Обратившись на этом этапе к рукописи, мы обнаруживаем важнейшую деталь, упущенную публикаторами записи: между буквами *б* и *ѣ* над строкой совершенно отчетливо читается титло. Из корней, записываемых под титлом, с *б* начинаются только *бог-* (*бож-*) и *благ-* (*блж-*). Легко обнаружить, что из всей совокупности соответствующих словоформ *ѣ* в нужной позиции содержат лишь формы прилагательного *Божии* (*бжьа*, *бжье* и т. д.) и форма тв. ед. слова *Богъ* — *бѣ*. Частично сохранившаяся буква под титлом более всего похожа на *м*, что заставляет предпочесть второй из этих вариантов. Чтение *бѣ* подтверждается и тем, что за *ѣ* хорошо видна разделительная точка. Между ней и началом слова *[ст]ою* находилась еще одна буква, от которой сохранился правый вертикальный штрих. Восстановив эту букву как *и*, получаем синтаксически и лексически безупречное чтение: «а Бѣи и стою Бжею сътажано».

Чтение это, однако, сначала слегка озадачивает: «стяжателями» книги, согласно выходной записи, являются «Бог и святая Богородица». Устойчивость этой парной формулы¹⁶ исключает возможность непрямого толкования — речь, безусловно, идет не о богородичном храме или монастыре (например, Богородицком Зверине монастыре или церкви Благовещения на Городище), но, так сказать, о Боге и Богородице «непосредственно». И все же элемент иносказательности во фразе, безусловно, присутствует,

¹³ Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА. С. 47.

¹⁴ См. примеры: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. М., 1990. Т. III. С. 445.

¹⁵ Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. С. 283.

¹⁶ Сочетание «Бог и святая Богородица» частотно в древнерусских текстах. Ср., например, хрестоматийный контекст из Мстиславовой грамоты «а Бѣ боуди за тѣмъ и стаа Бѣа и тѣ стѣи Геврѣгии оу него то ѡтимахъ» или примеры из Ипатьевской летописи: «Бѣ же и стаа Бѣа избави городъ ѡ лютыа рати» (6654. Л. 118 об.), «Стославъ... възрѣ на Ба на стою Бѣоу изиде въ срѣтении емоу» (6654. Л. 123 об.).

только теперь он перемещается из метонимической в метафорическую сферу: особым содержанием наполняется само понятие «стяжания». В обычном случае «стяжателем» книги является тот, кто финансирует ее написание, оплачивая стоимость пергамента, работу писца и переплетчика. Формула же «Богом стяжано» может, как представляется, означать лишь одно: писавшие трудились не за деньги, а бесплатно, «Христа ради», вознаграждение за труд ожидает их не на земле, а на небесах, им «Бог заплатит» (в нашем случае — «Бог и святая Богородица») ¹⁷.

Такое прочтение концовки находит подтверждение в первой части записи, также оформленной не вполне стандартно. Обычная для выходных записей тема божественного покровительства труду книгописца выражена в нашем тексте с особой категоричностью и доведена до своего логического завершения: писец Матвей, сообщив о разделении труда между ним и Лаврентием, затем вообще отказывается от самого факта написания ими рукописи («не азъ бо своею хждостью написахъ и брать...»), целиком приписывая эту заслугу «силе святой Троицы». Этот отказ естественно связать с тем, что писцы работали бесплатно, из одного лишь благочестия. Весь процесс создания кодекса оказывается таким образом как бы выключен из сферы материальных отношений и целиком перенесен в метафизическое пространство, в котором книга пишется словно сама собой, «силою святой Троицы» и «молитвами святого Лазаря», а «стяжателями» ее являются Бог и Богородица. Это заставляет вспомнить также не имеющую прямых аналогий в древнерусской книжности XI–XIV в. формулировку выходной записи еще одной из книг лазаревского комплекса — Милятина Евангелия: «Помощию Хвою написашася стии бовидьци ап(с)ли .д. еуангѣлисти Іѡанъ и Матѣи . Лоука и Маркъ» ¹⁸. Сосредоточенность на мистической стороне книгописного процесса, похоже, составляла отличительную примету литературного стиля лазаревских писцов.

Что же до конкретно-земной «реализации» этого процесса, то, вопреки сложившемуся представлению, можно утверждать, что в создании июльской минеи Тип. 121 не принимала, кроме «святого Лазаря», никакая другая духовная корпорация. Тем самым отпадают последние сомнения в том, что упоминаемая в записи «игуменья» — это настоятельница Лазарева монастыря, который, следовательно, существовал уже в конце XI в.

Значит ли это, что лазаревский скрипторий был монастырским? По мысли В. Л. Янина, писцы скриптория были не монахами, а представителями штата мужчин-клириков, имевшегося при любом женском монастыре ¹⁹. Однако подсчитанная Л. В. Столяровой численность этого штата (не менее двенадцати человек) кажется далеко превосходящей потребности небольшого женского монастыря. Это несоответствие может объясняться тем, что роль церкви св. Лазаря не исчерпывалось статусом монастырского храма и что церковь эта представляла собой крупный духовный центр общегородского или, во всяком случае, кончанского масштаба. Скрипторий мог действовать не столько при монастыре,

¹⁷ Интерпретированная таким образом, фраза «а Бм̄ и стю̄ Бцею сътажано» заставляет вспомнить окончание берестяной грамоты № 549 (посл. четв. XII в.), письма к художнику Олисею Гречину с заказом на иконы: «а Бъ за мѣздою или ладивьса». А. А. Зализняк, первоначально переведивший эту фразу «а Бог за мздою (т. е. Бог вознаградит) или сладимся (о цене)» (Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 214), впоследствии остановился на несколько иной трактовке: «А относительно платы [будет] порукой Бог, или же договоримся» (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 339). Ср. также перевод А. Б. Страхова: «А Бог гарантирует вознаграждение, если <мы оба> поладим <договоримся>» (Страхов А. Б. Филологические наблюдения над берестяными грамотами: VI–IX // Palaeoslavica. 1995. III. С. 243). Думается, что правильным является первоначальный перевод А. А. Зализняка. Бог выступает в данном случае в той же роли «стяжателя», являясь не гарантом земного, а подателем небесного вознаграждения. Фактически же автор грамоты № 549 (священник) предлагает Гречину потрудиться для него даром (речь ведь идет всего о двух небольших «иконках»); если же того такая перспектива не устраивает, они смогут договориться о цене. Ср. в берестяной грамоте № 911: «да же ти избоудоу сего ... а мзда ти ѿ ба боудеть» (См.: Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 94); смысл последней фразы, по-видимому, не просто в том, что адресат, оказав автору некую услугу, совершит богоугодное деяние, но и в том, что автор не в состоянии эту услугу оплатить и потому целиком полагается на великодушие адресата.

¹⁸ Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. С. 285.

¹⁹ Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI–XII в. Лазарев монастырь. С. 56.

сколько при храме св. Лазаря²⁰, подобно тому как при храме же существовал и сам монастырь. Свидетельством существования в Новгороде в рассматриваемую эпоху собственно монастырского, т. е. монашеского книгописания продукция Лазаревского скриптория в таком случае не является, и в этом смысле с А. Г. Бобровым следует согласиться.

Насколько ординарным явлением для Новгорода этого времени была книгописная мастерская при монастыре св. Лазаря? Обслуживала ли она лишь потребности в литургических книгах собственной монастырской церкви или же была одним из общеновгородских центров книгописания? Решение этих вопросов упирается в слабую изученность церковной организации Новгорода рассматриваемой эпохи.

Из летописей мы, за двумя исключениями (о которых речь впереди), ничего не знаем о строительстве в городе в XI в. других церквей, кроме св. Софии. Однако, как показывает пример самого Лазарева монастыря, такие церкви в действительности существовали. Умолчание о них Новгородской летописи, очевидно, объясняется тем, что последняя фиксировала вплоть до 30-х годов XII в. лишь строительство каменных церквей.

Тот факт, что написанные в Лазареве монастыре минеи находились в нем же и в XVII в., когда на кодексах были сделаны пометы «Книга Лазарева», позволяет утверждать, что комплект миней предназначался для употребления в самом монастыре. То же можно сказать и о еще двух рукописях с пометой «Книга Лазарева»: Стихираре Тип. 147 и Цветной Триоди Тип. 138. Единственным кодексом, позволяющим предполагать, что лазаревские клирики писали книги и на заказ, является Милятино евангелие, запись которого прямо сообщает, что Евангелие и Апостол, написанные «в голодное лето» «повелением» Миляты Лукинича, были им же и *выкуплены*, то есть писались не для церкви св. Лазаря, а для какой-то другой церкви, с которой был связан заказчик²¹.

В сложном вопросе о датировке Милятина Евангелия мы склонны принять точку зрения Л. В. Столяровой, полагающей, что выходная запись рукописи, написанной в конце XII — начале XIII в., воспроизводит запись конца XI в. Таким образом, согласно данной гипотезе, из Лазаревского скриптория вышло не само Милятино евангелие, но его оригинал, переписанный попом Домкой вместе с рукописью Апостола в конце XI — начале XII в.²². Сильным аргументом в пользу этой гипотезы является миниатюра Милятина евангелия, по-видимому, перенесенная из его протографа — «Евангелия Домки». Датированная концом XI — началом XII в., то есть временем существования Лазаревского скриптория, она представляет редкое изображение евангелиста Иоанна в паре с апостолом Павлом²³. Не находя прямых аналогий в

²⁰ Эту мысль высказывает в новейшей работе и Е. В. Уханова (Уханова Е. В. Древнейшая русская редакция Студийского устава: происхождение и особенности богослужения по Типографскому списку // Типографский устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / Под ред. Б. А. Успенского. М., 2006. С. 242. Прим. 27).

²¹ Фразу «и криль обоѣ книги на спсение собѣ и на съдравие» мы переводим вслед за А. А. Зализняком «и он (Милята Лукинич) оплатил (выкупил) обе книги на спасение себе и на здравие» (Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 174). Старая трактовка этой фразы как указания на переплет книг самим писцом, принятая и Л. В. Столяровой, лингвистически и содержательно неправдоподобна.

²² Отождествление этого Домки с Домкой-Яковом, писцом сентябрьской и октябрьской миней, впервые предложенное В. Л. Яниным, представляется сомнительным Л. В. Мошковой и А. А. Турилову: исследователи допускают, что при церкви св. Лазаря служили с интервалом в столетие два разных Домки («Все-таки имя достаточно нейтральное — не Упирь Лихый», — замечают авторы (Мошкова Л. В., Турилов А. А. «Плоды ливанского кедра». М., 2003. С. 37). Заметим, что это «нейтральное» имя составляет все же известную сложность для интерпретации. Предлагаемая Л. В. Столяровой (Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI—XIV вв. на пергаменных кодексах. С. 217—218) трактовка его как сокращения от *Домаславъ*, *Домашъ* неприемлема ввиду записи с корневым ъ (как в минеях, так и в Милятином евангелии, при том что мена ъ/о в этих памятниках отсутствует). Очевидно, *Дѣмѣка* может быть или достаточно редким языческим именем с корнем *дѣм-* (чередующимся с *дым-*; ср. *Дѣмילו* — имя одного из свидетелей в записи о покупке Бояновой земли в киевском Софийском соборе, и *Дымко* (Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 196), или же гипокористикой от *Дмитрии* (ранн. *Дѣм-*, *Дѣм-*); во втором случае необходимо предполагать, что *Дмитрии* было крестильным именем писца, а *Яков* — монашеским. Как бы то ни было, в других источниках данная форма имени не засвидетельствована, и это само по себе делает тождественность двух Домок весьма вероятной.

²³ Вздорнов Г. И. Миниатюра из Евангелия попа Домки и черты восточно-христианского искусства в новгородской живописи XI—XII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 209—210.

византийской книжной миниатюре, эта иконография удачно согласуется с парным упоминанием Евангелия и Апостола в записи.

Было бы очень важно определить, для какой церкви были написаны Домкой на рубеже XI—XII в. Евангелие и Апостол. Однако попытки обнаружить в источниках какие-либо сведения о заказчике этих рукописей пока не увенчались успехом. Упомянутых в данной связи известных по летописям лиц²⁴ объединяют с Милятой Лукиничем лишь популярные в древней Руси имена, чего явно недостаточно.

Это относится и к «Лукиничам», заложившим в 1185 г. каменную церковь Петра и Павла на Сильнице (Синилище, Синичьей горе)²⁵. И. И. Срезневский, датировавший Милятино евангелие концом XII — началом XIII в., одно время допускал, что данное сообщение может иметь в виду Миляту Лукинича и его братьев. Возражая на это, В. Л. Янин справедливо заметил, что «Лукиничичи» в данном случае не отчество, а «обозначение жителей Лукиной улицы Людина конца, ближайшей к Синилищу (теперешней Синичьей горе), где и ныне существует Петропавловская церковь»²⁶. И все же, как представляется, данное сообщение НПЛ может иметь определенное отношение к нашей теме.

Дело в том, что, хотя «Лукиничичи» 1185—1192 г. — это, бесспорно, жители Лукиной улицы, сама Лукина улица заведомо существовала задолго до конца XII в. и при этом, подобно большинству улиц Древнего Новгорода, была, вероятно, названа по имени жившего здесь Луки. В связи с этим обращает на себя внимание известие НПЛ под 6621 (1113) г.: «Въ то же лѣто погрѣ онъ полъ, на сеи же сторонѣ городъ Кромьный, от Лукинъ пожаръ» (НПЛ. 20). Весьма вероятно, что «Лукины» этого сообщения — дети того самого Луки, по имени которого получила название Лукина улица (именно так трактовал это место М. Х. Алешковский)²⁷. Милята Лукинич вполне мог быть одним из них.

Взглянем теперь на проблему с несколько иной точки зрения. Для чего вообще нужно было заказывать в голодный год дорогостоящие Евангелие и Апостол? Думается, такая потребность могла возникнуть прежде всего в связи со строительством и освящением новой церкви, которую необходимо было обеспечить нужными богослужебными книгами. Это тем более вероятно, что практика возведения обетных церквей в годину голода и мора была распространена на Руси вообще и в Новгороде в частности.

Как уже говорилось, за весь XI в. летописи сообщают о возведении в Новгороде всего двух церквей, не считая Софийского собора: это церковь Вознесения на Прусской улице и церковь Петра и Павла на Сильнице. Обе они, согласно Новгородской третьей летописи²⁸, были возведены в 1092 г. Достоверность этого сообщения неоднократно ставилась под сомнение. Оно и в самом деле производит впечатление случайно перенесенного из статьи 6693 г. НПЛ, сообщающей о закладке каменных церквей Петра и Павла и Вознесения. Непонятно, однако, чем мог руководствоваться сводчик, осуществляя такой перенос, и откуда вообще взялась дата 6600²⁹.

Можно было бы предположить, что в распоряжении составителя Новгородской третьей летописи оказался текст, в котором от «правильной» даты *ꙗСѣч҃҃г* (6693) сохранились лишь первые две цифры,

²⁴ См.: Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI—XIV вв. на пергаменных кодексах. С. 220.

²⁵ НПЛ. С. 38.

²⁶ Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI—XII в. Лазарев монастырь. С. 59.

²⁷ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 102. Такую интерпретацию нет оснований рассматривать как альтернативную произведению названия Лукиной улицы от находившейся на ней церкви св. Луки, как это делают авторы последнего исследования названий улиц древнего Новгорода (ср.: Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 360—361). Как и у большинства новгородских церквей этого времени, посвященных отдельным святым, посвящение престола церкви св. Луки скорее всего носило патрональный характер.

²⁸ Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 176.

²⁹ Нужно заметить, что упоминание в статье 6600 г. каменных церквей, а также действовавшего сто лет спустя тысяцкого Милонега еще не означает, что сам факт строительства церквей в 1092 г. является фикцией. Сходным образом, под 1156 (6664) г. Новгородская третья летопись сообщает о строительстве каменной церкви Пятницы на Торгу, тогда как, согласно НПЛ, это произошло в 1207 г. Однако первая деревянная церковь св. Параскевы-Пятницы была построена именно в 1156 г. (см.: НПЛ. С. 30), что и дало основание сводчику, объединившему два известия, поместить контаминированное сообщение под более ранней датой.

что превратило ее в *SX— 6600 («круглые» даты такого происхождения не редкость в славянской рукописной книжности). Однако имеется достоверное свидетельство того, что одна из названных церквей — Вознесенская — действительно существовала к началу XII в. «Бывый попин святого Вознесения» Илья переписал, «сидя у братъи на Имоволоже», Праздничную миную (РГАДА. Тип. 131). Весьма архаичная по языку и письму, эта рукопись не могла быть написана позднее рубежа XI—XII в.³⁰ Княжеский Имоволожский погост был теснейшим образом связан с Новгородом³¹, и предполагать, что речь идет о какой-то другой, неновгородской церкви Вознесения, не приходится. Вознесенская церковь, таким образом, действительно была одной из древнейших в Новгороде, и кажется совершенно невероятным, чтобы поздний летописец случайно, по ошибке, перенес в конец XI в. сообщение об основании именно этого храма. Следует полагать поэтому, что за датой 1092 г. действительно стоит какая-то реальность.

Может показаться странным, что, как отмечал еще арх. Макарий³², обе упомянутые под 1092 г. церкви находились фактически в загородной местности, за чертой городской застройки (о местоположении Петропавловской церкви уже говорилось выше, Вознесенская же находилась в самом конце Прусской улицы). Однако именно это обстоятельство делает, на наш взгляд, вполне правдоподобным факт одновременного основания двух церквей в 1092 г.

Согласно исследованиям по истории погоды и экстремальных природных условий в Восточной Европе, это был один из трех наиболее неурожайных и голодных годов XI в.³³ Картина мора, свирепствовавшего в тот год на Руси, ярко отражена Повестью временных лет: «В си же времена мнози чловѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты, яко продахомъ корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ»³⁴. Хотя слова эти относятся к Киеву, есть все основания полагать, что подобное же происходило и в Новгороде. В таком случае возведение в 1092 г. двух загородных церквей получает самое естественное объяснение: обе церкви были построены при скудельницах, в которых погребали жертв мора. Действительно, их расположение вполне аналогично тому, какое указано, например, для трех скудельниц, сооруженных во время мора 1230 г.: «у святыхъ Апостоль въ яме на Просьской улицы», «на поли, коньць Чюдиньчевъ улицы», «на Колъни, за святымъ Рожьствомъ»³⁵. Заметим, что вокруг упомянутой здесь церкви Рождества и в настоящее время располагается кладбище. На кладбище стоит и церковь Петра и Павла на Сильнице.

Зная, что церковь Петра и Павла была отстроена в камне в 1185—1192 г. «Лукиничами», можно полагать, что жители Лукиной улицы («Лукины» статьи 1113 г.) имели отношение и к ее первоначальному основанию во время мора 1092 г. Все это делает, на наш взгляд, весьма вероятным, что для этой церкви и предназначались заказанные «в голодное лето» Милятой Лукиничем и переписанные лазаревским попом Домкой Евангелие и Апостол. В таком случае переписка ветхой рукописи Евангелия в конце XII в. (с использованием миниатюры и воспроизведением выходной записи оригинала конца XI в.) может быть связана со строительством каменной церкви Петра и Павла в 1185—1192 г.

Глубоко не случайным представляется столетний интервал, разделяющий эти события. 1092 г. от РХ был, согласно константинопольскому летоисчислению, 6600-м от Сотворения мира. Как мы

³⁰ Верещагин Е. М., Крысько В. Б. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 26.

³¹ См.: Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 13—14.

³² Макарий (арх.). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 11.

³³ Бараш С. И. История неурожая и погоды в Европе. М., 1989. С. 53.

³⁴ ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1. Вып. 1—3. С. 215.

³⁵ НПЛ. С. 70—71. Как ясно из этой статьи, скудельницы могли устраиваться как при уже существующих окраинных церквях (которые, впрочем, сами могли стоять на месте более ранних скудельниц), так и на новом месте; в последнем случае устройство скудельницы могло сопровождаться строительством церкви. Характерно, что в конце Чудинцевы улицы, где располагалась одна из скудельниц 1230 г., впоследствии находилась церковь Симеона Столпника, выстроенная в камне в 1392 г. (НПЛ: 385), но, видимо, существовавшая и ранее. Во время эпидемии 1467 г. скудельница была устроена в Зверине монастыре, и на ней была построена обетная церковь Симеона Богопримца (Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). С. 312).

показываем в специальной работе, подобные столетние «годовщины» становились на Руси предметом эсхатологического переживания, находившего выход в общей интенсификации религиозной и церковной жизни³⁶. Реальные бедствия, которые принес с собой «юбилейный» 6600 г., отложившись в исторической памяти, не могли не сказаться на восприятии следующей «границы веков». Именно этим может объясняться тот факт, что предшествовавший этому рубежу 6699 (1191) г. ознаменовался в Новгороде небывалым всплеском церковного строительства, продолжившимся и в «юбилейном» 6700 г. На этой волне, явно имевшей эсхатологическую природу, проходят и освящения церковью Вознесения (в 1191 г.) и Петра и Павла (в 1192 г.). Замечательно, что два каменных храма были заложены одновременно, в 1185 г., после случившегося 1 мая этого года полного солнечного затмения. Если верно наше предположение и обе церкви были впервые построены в 1092 г. на скудельницах, в которых погребали жертв «юбилейного» мора, то можно понять, почему реакцией новгородцев на затмение была закладка именно этих храмов. Можно думать, что затмение 6693 г. воспринималось уже в перспективе надвигающегося конца столетия и заставило, в качестве «превентивной меры», призванной предотвратить повторение ужасов 6600 г., позаботиться о храмах, построенных в том злополучном году. Заметим, что таким образом получает объяснение и воспроизведение в «Милятином евангелии» выходной записи Домки, сообщающей о написании им рукописи «в голодное лето». После всего сказанного нам трудно согласиться со следующим утверждением Л. В. Мошковой и А. А. Турилова: «Содержание записи не дает оснований полагать, что она представляла хоть какой-то интерес для копииста»³⁷.

Тот факт, что книги, необходимые для богослужения в основанной им церкви, были заказаны Милятой Лукиничем в Лазареве монастыре, на противоположном конце Новгорода, очень показателен. Обращаться так далеко едва ли стоило бы, если бы заказать книги можно было по соседству, в пределах Людина конца. И раз такое обращение состоялось, мы можем, по-видимому, говорить о Лазаревском скриптории как о книгописном центре общегородского значения, а не как об одной из многих аналогичных мастерских. О том же, как кажется, свидетельствует и количество писцов, трудившихся над лазаревскими рукописями, явно превосходящее потребности одной церковной корпорации (напомним, что по подсчетам Л. В. Столяровой, таких писцов было не менее двенадцати).

Что же сообщало лазаревскому храму столь экстраординарную роль в культурной жизни Новгорода конца XI в.? Обратим внимание на следующие топографические обстоятельства: Лазарев монастырь занимал совершенно такое же положение относительно Неревского конца, какое относительно Людина конца занимал Петропавловский монастырь на Сильнице. Последний, как мы уже знаем, был основан и отстраивался в XII в. «Лукиничями» — жителями ближайшей к нему Лукиной улицы. По аналогии можно предположить, что ктиторами Лазарева монастыря были жители ближайшей к нему улицы Неревского конца — Даньславли. Эта улица несомненно существовала уже в начале XII в. На ней находилась церковь св. Димитрия, под 1195 г. упоминаемая как «Ноздрьцина»³⁸. Ее основатель упоминается летописью под 1118 г.: «томъ же лѣтъ приведе Володимиръ съ Мъстиславомъ вся бояры новгородскыя Къеву, и заводи я къ чьстному хресту, и пусти я домовъ, а инья у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчо, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся»³⁹. Как видно из этого сообщения, Даньслав и Ноздрьча принадлежали к новгородской боярской элите и при этом находились под особым покровительством великокняжеской семьи.

³⁶ A. Gippius. Millennialism and the Jubilee Tradition in the early Rus' History and Historiography // *Ruthenica*. Київ, 2003. Т. II. Р. 154–161.

³⁷ Мошкова Л. В., Турилов А. А. «Плоды ливанского кедра». С. 36.

³⁸ НПЛ. С. 42.

³⁹ НПЛ. С. 21. См.: Янин В. Л. Предисловие // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 6. Л. В. Столярова (См.: Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. С. 169), обсуждая вопрос о возможном месте создания Захарьинского паремейника 1271 г. (переписанного, согласно поздней записи, в церкви св. Димитрия), ошибочно относит известие статьи 1195 г. к церкви на Славковке улице Торговой стороны, считая последнюю древнейшей из новгородских Дмитриевских церквей. Между тем, если связывать происхождение рукописи с Новгородом, то наиболее вероятным местом ее создания представляется именно церковь св. Димитрия на Даньславле улице.

Последнее особенно существенно. Только что процитированное известие непосредственно следует в НПЛ за сообщением о смерти посадника Дмитра Завидича: «прѣставися Дѣмитръ Завидиць, посадникъ новгородскый, иуля въ 9, посадницѣвъ 7 мѣсяць одну»⁴⁰. А пять лет спустя, в 1122 г., дочь Дмитра Завидича взяла в жены овдовевший князь Мстислав Владимирович⁴¹. Похоже, что (Дмитрий) Ноздрыца, подвергшийся в 1118 г. разграблению вместе с Даньславом, и есть Дмитр Завидич, смерть которого могла явиться прямым следствием этого «грабежа»⁴².

Не меньший интерес представляет фигура Даньслава. Это имя известно почти исключительно⁴³ из НПЛ, упоминающей за XII—XIII в., помимо жертвы грабежей 1118 г., еще двух его носителей. Весьма заметной личностью был в Новгороде в 60-е годы XII в. Даньслав Лазутинич, в 1167 г. ходивший с дружиной в Киев за князем Романом Мстиславичем, а в 1169 г. возглавлявший поход за данью в Заволочье, повлекший за собой знаменитую битву с суздальцами в феврале 1170 г.⁴⁴ Третьего Даньслава летопись упоминает под 1230 г., сообщая о разгроме новгородцами дворов бежавшего в Чернигов посадника Внезда Водовика и его сторонников: «а заутра убиша Смена Борисовицѣ въ 9, а домъ его всѣ розграбиша и села, а жену его яша, а самого погрѣбоша у святого Гюргя въ монастыри; также и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михалѣя, и Даньслава, и Борисовъ тысячьскаго, и Творимирицѣ, иныхъ много дворовъ»⁴⁵. Дворы Внезда Водовика и связанных с ним бояр находились, судя по некоторым данным, в Неревском конце⁴⁶. Это дает известные основания видеть в Даньславе 1230 г. потомка Даньслава 1118 г., относя к тому же боярскому роду и Даньслава Лазутинича 60-х г. XII в.: повторяемость родовых имен была вообще весьма характерна для новгородского боярства, а редкость имени *Даньслав* значительно повышает вероятность такого допущения. Но если так, то фамильным в этом роду могло быть и имя *Лазута*, скорее всего, представляющее собой гипокористику от *Лазарь*. Не потому ли основанный в непосредственной близости от Даньславли улицы монастырь был посвящен празднику Воскрешения Лазаря?

Так или иначе, привилегированный, аристократический характер населения Даньславли улицы в начале XII в. представляется несомненным. Именно этим, как кажется, и следует объяснять особый статус церкви св. Лазаря и монастыря при ней в новгородском церковном ландшафте этой эпохи. Культура Новгорода конца XI в. носила еще отчетливо выраженный княжеский характер, и кажется глубоко симптоматичным, что древнейший из известных нам новгородских скрипториев существовал при храме, основанном представителями той части новгородского боярства, которая была наиболее тесно связана с князем и княжеским окружением. В связи с этим стоит обратить внимание на запись на полях сентябрьской минеи Тип. 84, сделанную, скорее всего, в XII в.: «Сѣси Гѣ люди своѣ и благослови достоѣникъ своѣ да буди князю нашему...» (Л. 70)⁴⁷.

⁴⁰ НПЛ. С. 21.

⁴¹ Там же.

⁴² В связи с этим можно вспомнить события 1156 г., когда новгородцами был изгнан из посадничества Судила Иванкович, «и по том изгнани 5-и день умре» (НПЛ. С. 29).

⁴³ Помимо Даньславов, упоминаемых в НПЛ, Н. М. Тупиков отмечает в своем словаре только одного Даньслава из югозападнорусской грамоты 1395 г. (Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. С. 125).

⁴⁴ НПЛ. С. 32, 33.

⁴⁵ Там же. С. 70.

⁴⁶ Убедительным кажется предположение А. А. Зализняка (1995: 333), что упоминаемые в найденной на Неревском раскопе берестяной грамоте № 82 (конец XII в.) Внезд и Творимир — это Внезд Водовик и отец Творимирича из сообщения 1230 г. (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 333).

⁴⁷ Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА. С. 38.